

МИФОЛОГЕМА МЫШИ В ЦИКЛЕ СТИХОТВОРЕНИЙ «МЫШИ» В.Ф. ХОДАСЕВИЧА

Спиридонова К.С.

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В корпусе лирических произведений В. Ходасевича насчитывается 10 текстов, так или иначе связанных с мифологемой «мышь»: в данных текстах слово «мышь» (в том числе и однокоренные слова) употреблено 26 раз (6 раз вынесено в заглавие стихотворений и 20 раз – непосредственно в самих текстах).

Обращение поэта к мифологеме мыши на протяжении такого длительного времени (с 1908 по 1917 год) можно объяснить не только отмеченным в воспоминаниях А.И. Ходасевич сложившимся в доме игровым ритуалом. Н.А. Богомолов усматривает полисемантическую мышь: 1) «простые, реальные животные», 2) «являются зловеющими представителями Аида, подземного царства, которое Ходасевич постоянно ощущает рядом», 3) «животные из окружения Аполлона, то есть почти что Музы».

Из совокупности мифологических признаков Муз и мышей (см. Табл. 1) в поэзии В. Ходасевича присутствуют четыре из семи характеристик мышей как Муз: Аполлон выступает как их предводитель, формой их организации является хоровод, атрибутом – игла (как своеобразный аналог стрелы), а одной из многочисленных функций мышей становится ворожба.

Таблица 1. Сопоставительные характеристики мышей и Муз

ПАРАМЕТРЫ	МЫШИ	МУЗЫ
Родители	громовец (или небо) и мать-земля (жена громовца)	Зевс-громовец или Уран (небо) и Мнемосина или Гея (земля)
Место рождения или обитания	гора (ср. буквальный смысл пословицы «Гора родила мышь»)	гора
Объект соотношения	огонь, вода, мировое древо	каменный столп
Предводитель	мышинный царь или Аполлон Сминфейский	Аполлон (Мусагет – водитель муз) или Дионис
Форма организации	хоровод	
Атрибут	стрела	
Функции (деятельность)	болезнь – здоровье (нанесение ущерба – исцеление), ослепление, пение, танцы, прорицание (ворожба), память – забвение	

Заглавие сборника «Счастливый домик» отсылает к стихотворению Пушкина «Домовому» (1819), анализируемому В. Ходасевичем в статье «Колеблемый треножник» (1921). Второй раздел данного сборника, где и располагается цикл «Мыши», назван «Лары»: Лары – в римской мифологии – божества-покровители домашнего очага, охранявшие дом и семью. Заглавие и всего сборника «Счастливый домик», и раздела «Лары» (можно провести параллель между функциями Лар и домового) коррелирует с поэмой Пушкина «Домик в Коломне» и его стихотворением «Домовому», с которым соотносится и «Молитва» из цикла «Мыши». В цикле «Мыши» несколько взаимодействующих мифопоэтических и литературных планов: римско-мифологический (божества-Лары, Аполлон, мыши), славяно-мифологический

(домовой), христианско-религиозный (молитва), собственно пушкинский слой (счастливый домик, домовой, молитва, мышь).

Выбор в качестве заглавия поэтического текста устаревшего слова «ворожба» изначально эксплицирует фольклорную стилизацию, ориентирует на связь с устной народной культурой. Фольклорная стилизация прослеживается не только на уровне воспроизведения ритуала ворожбы, но и на лексическом уровне – в употреблении разговорных слов, постоянных эпитетов («дорогие гости»), устойчивых выражений-перифраз («слез не лей») и разговорной частицы *-ка* («помолись-ка»), а также ритмически: весь текст ритмизован и стилизован под частушечный ритм (особенно примечателен сдвиг ударения в слове «*придут*», который указывает на подчинение орфоэпических правил общему ритму). Ритм – один из элементов ритуала ворожбы. Однако подобная стилизация не выдерживается на протяжении всего текста (кроме условия сохранения ритма), поэтому данный текст не есть просто подражание народной культуре: обращение к фольклорному истоку требуется как опора, отправной пункт для саморефлексии лирического героя.

В контексте стихотворения «Ворожба» данное слово приобретает несвойственный языческому действию смысловой оттенок молитвы. Такая семантика вписывает индивидуальную «молитву» лирического героя в общенациональный, общекультурный контекст через соотношение с фольклорным началом, где молитва предстаёт как призывание мышей к себе, то есть жажда вдохновения, и – более того – способ спастись, иными словами, «призвать» спасение.

Промежуточное стихотворение «Сырнику» является продолжением предыдущего («Ворожба») и предвосхищением и развитием следующего за ним текста («Молитва»). Сюжетная ситуация представлена уже не как ритуал вызова, но ещё и не как молитва, а просто как дружеские беседы-речи. Здесь функция мыши, уже «вызванной» и получившей индивидуальное имя, такова: Сырник предстаёт как мышь-Муза поэзии, то есть так же, как и в двух других текстах, в данном закрепляется семантика вдохновения. В финале предчувствие возможного непоявления Сырника переходит в просьбу-приказ, содержащую молитвенную интенцию: «*Обожатель сыра, – не оставь меня!*». Такого рода мольба соотносится с тематикой молитвы в стихотворениях «Ворожба» и «Молитва».

«*Стереди мой домик...*» – это почти дословная цитата из пушкинского «Домовому», где она звучит так: «*Счастливый домик охрани!*». «Сырнику» также отсылает к стихотворению Пушкина «Домовому», тем самым также предвосхищает текст «Молитва». Таково же упоминание во второй строке первой строфы: «*Гость, всегда желанный в домике моем!*» – где уже напрямую мышь приравнивается к домовому.

Завершается цикл текстом «Молитва», при сопоставлении которого со «Счастливым домиком» Пушкина прослеживается ряд сходств и различий. Очевидна текстовая перекличка пушкинского стихотворения и стихотворения В. Ходасевича не только в частичном воспроизведении лексического состава, но и в типе речевой конструкции: оба текста представляют собой вариант послания. Однако, если у Пушкина объектом «моления» является домовой – «*псевдосакрализованное языческое божество*» (по выражению Э.М. Афанасьевой), то в тексте В. Ходасевича адресат послания варьируется: в первых двух строках воплощается зрелое трагическое сознание лирического героя; затем (в строках 3-6) в качестве адресата выступают «*маленькие боги*», «*добрые хранители*» – мыши; в заключительных двух строках «я» лирического героя переключается на свой внутренний мир. Таким образом, одним из отличий стихотворения «Молитва» от «Домовому» является соприсутствие двух адресатов, что расходится с классическим толкованием молитвы, где предполагается

семантика обращения к кому-то / чему-то стороннему, но не внутренний диалог. Также «молитва» у Пушкина направлена не на самого лирического героя-поэта, а на «*обитель*» его семьи, в то время как у В. Ходасевича «молитва» направлена на самого субъекта речи, что усиливается «переключением» с самого процесса молитвы на его внутренний мир.

Давая оценку поэтическому творчеству Пушкина в статье «Колеблемый треножник», В. Ходасевич затрагивает вопрос о реализации в творчестве трёх задач поэта (лирика-фольклориста-живописца), заключающихся в гармоничном, равновесном соблюдении реализации трёх различных планов. Проецируя эту формулу на творчество самого В. Ходасевича, можно проследить, что в трёхчастном цикле «Мыши» выразителем культурно-национального, фольклорного начала явилось стихотворение «Ворожба»; чувственно-эмоционального, лирического начала – стихотворение «Сырнику»; а художественно-эстетического – «Молитва».